

Болѣе объ этомъ не было рѣчи въ замкѣ Готбой. На другой день онъ возвратился въ почтамтъ.

XVIII.—Принуждать не могу.

Около половины апрѣля лордъ и лэди Кинсбѣри пріѣхали въ Лондонъ. Изо дня въ день, недѣлю за недѣлей, маркизь объявлялъ, что никогда болѣе не будетъ въ силахъ выйти изъ своей комнаты и собирался умирать немедленно, пока окружающіе его не начали думать, что онъ вовсе не умретъ. Его, однако, наконецъ убѣдили, что онъ можетъ во всякомъ случаѣ такъ же удобно умереть въ Лондонѣ, какъ въ Траффордѣ, а потому онъ и позволилъ перевезти себя въ Паркъ-Лэнъ. Состояніе его здоровья, конечно, послужило предлогомъ этого передвиженія. Говорили, что въ это именно время года ему полезнѣе будетъ быть поближе къ своему лондонскому доктору. Маркизь повѣрилъ этому. Когда мужчина боленъ, для него нѣтъ ничего важнѣе его болѣзни. Но вопросъ, не побудила ли маркизу тревога ея изъ-за прочихъ дѣлъ семьи, убѣдить мужа. Маркизь далъ условное согласіе на бракъ дочери. Фанни разрѣшено было выдти за герцога ди-Кринола. Разрѣшеніе это дано было безъ всякаго прямого намека на денежный вопросъ, но въ немъ несомнѣнно проглядывало обѣщаніе со стороны отца невѣсты обезпечить имъ нѣкоторый доходъ. Чѣмъ же имъ иначе жить? Письмо къ лэди Франсесъ было написано ея мачихой, подъ диктовку маркиза. Но продиктованныя слова не были занесены на бумагу, безъ всякихъ измѣненій. Отецъ желалъ быть мягкимъ и ласковымъ, просто выражая удовольствіе по поводу того, что поклонникъ его дочери оказывается герцогомъ ди-Кринола. Изъ этого маркиза сдѣлала договоръ. Женихъ будетъ принять въ качествѣ жениха, подъ условіемъ, что приметъ имя и титулъ. Сестра ея, лэди Персифлажъ, дала ей понять, что ей бы слѣдовало пригласить молодого человѣка въ Траффордъ. Она нашла, что удобнѣе будетъ принять его въ Лондонѣ. Лэди Франсесъ пріѣдетъ къ нимъ въ Паркъ-Лэнъ и тогда молодой человѣкъ получитъ приглашеніе. Маркиза будетъ просить къ себѣ «герцога Ди-Кринола». Ничто въ мірѣ не заставитъ ее написать имя Родена. Гѣмпстедъ въ это время жилъ въ Гендонѣ; сестра оставалась у него, пока маркиза не переѣхала въ городъ, но онъ ни съ кѣмъ, за исключеніемъ Джорджа Родена, часто не видался. Со времени возвращенія Родена изъ Италіи, ему, безъ словъ, было